DOI: 10.17976/jpps/2019.05.03

ПРЕОДОЛЕВАЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ: СПОРЫ О ПОЗНАНИИ ПОЛИТИКИ В ЭПОХУ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

О.В. Гаман-Голутвина

ГАМАН-ГОЛУТВИНА Оксана Викторовна, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, президент Российской ассоциации политической науки (РАПН), председатель ФУМО "Политические науки и регионоведение", председатель Экспертного совета Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), член Общественной палаты РФ, Москва, email: ogaman@mgimo.ru

Гаман-Голутвина О.В. Преодолевая методологические различия: споры о познании политики в эпоху неопределенности. – Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 19-42. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.03

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 17-03-00746а.

Статья поступила в редакцию: 01.08.2019. Принята к публикации: 19.08.2019

Аннотация. В связи с неединичными оценками состояния современной политической науки как кризисного автор тестирует эту гипотезу применительно к одной из ключевых областей дисциплины – политической компаративистики, включая ее методологические измерения и методный инструментарий. Предпринятый в статье анализ эволюции компаративистики показывает, что для ее нынешнего этапа характерен мультипарадигмальный плюрализм, однако в отличие от методологической полифонии периода начала XXI в. (которая расценивалась как признак кризиса субдисциплины), этот плюрализм продуктивен. Нынешнее состояние компаративистики автор не рассматривает как кризисное, но оценивает как нуждающееся в существенном обновлении и предлагает рассматривать его, скорее, как фазу "нормальной науки" в терминах Т. Куна. Ключевой проблемой представляется нахождение методологического алгоритма компаративистики, адекватного постнеклассической динамике политики. Рассмотрение используемых в настоящее время сравнительных методов показывает, что ключевая задача в этой сфере – уточнение эффективного алгоритма использования количественных методов в связи с получившими распространение упрощенными процедурами их применения. Это определяет востребованность "компаративной" версии "Великих дебатов" для структурирования предметного поля, обновления методологии и методов субдисциплины.

Ключевые слова: политическая наука, политическая компаративистика, методология, метод, количественные и качественные исследования.

КРИЗИС? СТАГНАЦИЯ? "НОРМАЛЬНАЯ НАУКА"?

Сравнительная политология (СП) утвердилась в качестве самостоятельного и одного из ведущих направлений политической науки (ПН) ко второму десятилетию XX в., что в 1912 г. было официально зафиксировано созданной в 1903 г. Американской ассоциацией политической науки (*APSA*) [Wahlke 1991: 58; Ильин 2019]. Перечень достижений компаративистики за прошедший век обширен – достаточно назвать лишь некоторые из них: предпринятое А. Тойнби монументальное сравнительное исследование цивилизаций; Стэнфордский проект по изучению кризисов и политических изменений; концептуальная карта Европы С. Роккана; сравнительное изучение политических режимов, ре-

жимных изменений политических институтов (в том числе систем управления, партий и выборов) и неинституциональных измерений политики – политических культур и политического лидерства. На протяжении нескольких десятилетий сравнительная политология выступала главным источником критических инноваций для всей политической науки [Schmitter 2009: 35], что во многом было определено ее способностью сопрягать философско-субстантивные, инструментальные и политико-прикладные измерения [Munck, Snyder 2007: 59].

Однако на рубеже XX и XXI вв. наметилось торможение в развитии субдисциплины и отчасти политологии в целом, что было зафиксировано ранее, в частности, в ходе проведенного 1994 г. исследования на основании собранных в США десятилетием ранее данных относительно того, в каких отраслях науки достигнуты наиболее впечатляющие прорывы и в каких отраслях они наиболее вероятны. В анализе участвовали представители 32-х дисциплин – от физики до психологии. Последнее, 32-е место в рейтинге достигнутых научных результатов и перспектив дальнейшего продвижения заняла политическая наука [Hargens, Kelly-Wilson 1994: 1177-1195].

С того момента прошла четверть века, однако она не добавила энтузиазма в оценках. Более того, тревожной тенденцией последних лет стала характеристика нынешнего периода эволюции политической науки как кризисного [см. Taagepera 2018: 146; Патцельт 2018: 72; Ильин 2018: 40-42]. В качестве наиболее веских оснований этого вердикта рассматривается отсутствие на протяжении нескольких десятилетий значимых новационных идей и эвристически эффективных теорий / парадигм (М. Ильин), способных стать ответом на критические эндогенные и экзогенные политико-интеллектуальные вызовы, и/или искажение ее методического инструментария (Р. Таагепера). Известный немецкий специалист в области эволюционной морфологии, член Исполкома МАПН профессор В. Патцельт добавляет к этому перечню и иные основания для скепсиса: современная политология оказалась замкнутой в рамках западного этноцентризма; погруженной в поток настоящего в ущерб историческому контекстуализму; неспособной к критической саморефлексии и состоящей в непродуктивных отношениях с практической политикой [Патцельт 2018: 72].

Поскольку всестороннее рассмотрение политической науки затруднительно в рамках одной публикации, обратимся к ее сравнительной ветви. Данная характеристика представляется индикативной, поскольку политическая компаративистика – наряду с политической теорией в статусе номотетического ядра – входит в категорию системообразующих областей политологии. Каков актуальный методологический статус субдисиплины, насколько эффективен ее инструментарий, каковы определяющие ее повестку ключевые вызовы и суммарно – является ли ее состояние (и политической науки в целом) кризисным – таковы исследовательские ориентиры данной статьи. При этом будут затронуты только те методологические проблемы компаративистики, которые являются общими для политической науки в целом.

Методологические измерения

На наш взгляд, исходная предпосылка эффективности того или иного научного направления – релевантность его системообразующих параметров актуальной *научной картине мира (НКМ)*, которая представляет собой базовую эпистемологическую матрицу, обусловливающую стиль и способ научного мышления. В философии науки сложилось представление об эволюции НКМ [Степин 2011;

Алексеева 2017], поэтому рассмотрим только те характеристики НКМ, которые имеют отношение к рассматриваемому предмету. Существенное несоответствие между субстантивными характеристиками актуальной НКМ и используемыми в политической науке методологическими подходами и инструментарием определяет ее нынешнее состояние, которое автор не рассматривает как критическое, но характеризует как нуждающееся в существенном обновлении.

Считается, что первым понятие "картина мира" (которое изначально трактовалось преимущественно в терминах физики, логики и философии) ввел Л. Витгенштейн в "Логико-философском трактате" (1921 г.). М. Хайдеггер в статье "Время картины мира" (1927 г.) определил картину мира как изображение мира, а мир – как обозначение сущего в целом, к которому относится космос, природа, история и, более того, вся мирооснова [Хайдеггер 1986: 102]. По Хайдеггеру, картина мира – это изображение "сущего", а мировоззрение – это отношение человека к "сущему". Он делает принципиально важный вывод: историческая субъектность возникает с момента рефлексии картины мира, и с этого начинается деятельность человека как субъекта исторического процесса. Операциональным понятием современной философии науки является концепт НКМ, который характеризует лежащие в фундаменте культуры мировоззренческие структуры: "образ мира", "модель мира", "в*и*дение мира" [Степин 2011].

Анализ структуры, функций и этапов эволюции НКМ (в том числе на основании специфических типов рациональности) и ее роли в процессах генерации нового знания позволяет выделить классическую, неклассическую и постнеклассическую картины мира. Возникшая как переосмысление донаучного отражения реальности исторически первая системная научная картина мира – классическая (механистическая) – сформировалась в XVII-XIX вв. на основании достижений Коперника, Галилея и Ньютона. Ее ключевой посылкой была однозначная и универсальная причинно-следственная зависимость, в рамках которой все состояния могли быть просчитаны и предсказаны, а прошлое определяло настоящее так же изначально, как и настоящее определяло будущее. Случайность исключена из природы; обратимость времени определяет одинаковость всех состояний механического движения тел; пространство и время абсолютны. Основной посылкой гносеологии становилось требование элиминации субъективности как возмущающего фактора; ключевыми гносеологическими ориентирами признавались редукционизм и рационализм. Редукционизм как сведение закономерностей более высоких форм движения к низшим означал тождественность законам простейшей – механической – формы и проистекал из механики Ньютона, в которой Вселенная состоит из взаимодействующих по законам механики "материальных точек"; организм определялся как сложная версия механизма. Рационализм как безграничная вера в возможности разума стал новой религией и обрел статус универсального инструмента познания.

Представление о простой и однородной механической Вселенной как о часовом механизме было перенесено на другие сферы, включая социальное управление. Как заметил О. Тоффлер в предисловии к работе И. Пригожина и И. Стенгерс "Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой" [Пригожин, Стенгерс 1986], механицизм явно довлел над умами творцов американской конституции, разработавших структуру государственной машины, все звенья которой должны были действовать с безотказностью и точностью часового механизма.

Пришедшая на смену классической НКМ в результате революционных открытий в естествознании рубежа XIX-XX вв. неклассическая (квантово-релятивистская) картина мира (А. Эйнштейн, М. Планк, Н. Бор) изменила взгляды на субъект-объектные отношения, привнесла с собой вбирающий противоречия стиль мышления и более гибкую схему детерминации, учитывающую роль случайности, предстающей проявлением закономерности. Развитие системы отныне мыслится направленно, подчиняясь статистическим закономерностям, законам вероятности и больших чисел, ее состояние в каждый момент времени однозначно не детерминировано. Сущность неклассической картины мира передает принцип дополнительности В. Гейзенберга: "Одно и то же событие мы можем охватить с помощью двух различных способов рассмотрения. Оба способа взаимно исключают друг друга, но также дополняют друг друга, и лишь сопряжение двух противоречащих друг другу способов рассмотрения полностью исчерпывает наглядную суть явлений" [Гейзенберг 1989: 205-206], а в противоречащих друг другу явлениях присутствуют одинаково существенные аспекты единого комплекса сведений об объектах [Бор 1971: 393]. Эвристический смысл неклассического типа рациональности состоял в акцентировании вероятностного типа движения, роли случайности, многовариантности развития, возможности сосуществования разнокачественных характеристик.

Кризис квантово-релятивистской парадигмы на исходе XX в. определил основные контуры постнеклассической картины мира как основанной на инициированных Г. Хакеном идеях синергетики, нацеленной на изучение не саморегулируемых (как в рамках неклассической картины), а самоорганизующихся систем. Параметрами этих систем становятся стихийно-спонтанный структурогенез, нелинейность, неустойчивость, неравновесность, непредсказуемость, темпоральность – повышенная чувствительность к ходу времени; открытость обменивающихся с внешним миром веществом, энергией и информацией систем. В синергетической картине мира доминирует становление, характеризующееся многовариантностью и необратимостью. Синергетика внесла в миропонимание возможность резонансного воздействия на систему, находящуюся в неравновесном состоянии ("эффект бабочки"). Ключевым эвристическим принципом становится нелинейность, предполагающая отказ от ориентации на однозначность и унифицированность, признание методологии разветвляющегося поиска и многовариативного знания.

Основу постнеклассической картины мира составили достижения школы И. Пригожина, который, родившись в Москве в год русской политической революции, произвел революцию научную. Постнеклассическая картина мира открывает новую онтологию реальности, радикально меняющую и гносеологию: если классическое научное знание основано на картезианском каркасе мира, то постнеклассическое опирается на холистское мировидение и переосмысление времени. Кроме того, постнеклассическая наука расширяет поле рефлексии над деятельностью: она учитывает соотнесенность получаемых знаний об объекте не только с процессом и субъектом, но и с его ценностно-целевыми структурами [Степин 2011].

Таким образом, классическая научная картина мира описывает предметную реальность на основании модели научного знания, концептуализированной позже позитивистской философией науки. Неклассическая научная картина мира рассматривает реальность не как совокупность тел в пространстве, а как сеть взаимосвязей. В постнеклассической НКМ реальность, трактуемая как сеть

взаимосвязей, включает познающего субъекта. Философская рефлексия синергетики открывает возможность сосуществования всех трех научных картин мира, синтезируя и примиряя их на основе принципа дополнительности, обретая статус не только науки, но также мировидения, и выступает инструментом постижения нелинейного мира, в котором соседствуют или антагонизируют между собой случайность и необходимость, устойчивость и неустойчивость, детерминация и индетерминация, обратимость и необратимость, равновесность и неравновесность, линейность и нелинейность, динамичность и стабильность, свобода и произвол и иные, взаимоисключающие характеристики мира [Алиева 2008].

Принципиальной чертой процесса смены НКМ является неуничтожаемость прежней картины при наступлении следующей, что определено принципом соответствия Н. Бора: новая научная теория включает прежнюю теорию и ее результаты как частный случай. Как показал И. Пригожин, элементы и законы ньютоновской механики сохраняют свое локальное значение и продолжают функционировать в рамках ниш, характеризующихся устойчивостью, порядком, однородностью, равновесием, замкнутостью и линейными соотношениями. Поэтому, несмотря на ограниченность, механистическая парадигма во многих отношениях остается "точкой отсчета" для многочисленных направлений мысли, а механистическое мировидение продолжает определять мышление во многих направлениях и социально-гуманитарного знания, в том числе политической мысли.

Отмечая существенные сложности вхождения теории международных отношений (ТМО) и смежных областей, включая политическую науку, в неклассическую и постнеклассическую эпоху, Т. Алексеева правомерно констатирует существенное запаздывание этих дисциплин по части интеграции элементов неклассической и постнеклассической картин мира [Алексеева 2017], что стимулирует попытки имплантации этих элементов в политическую науку и ТМО. Примером подобного обновления может служить подход видного конструктивиста А. Вендта, рассматривающего социальную науку под углом зрения квантовой физики [Wendt 2015; Алексеева и др. 2018], что расширяет возможности для обоснования теоретического плюрализма, поскольку применение квантово-волнового дуализма позволяет, в частности, примирить ряд противоположных течений. Актуальный эвристический вызов политического знания состоит в том, чтобы понять, каким образом упомянутые онтологические изменения тектонического масштаба проецируются в политическую сферу. Очевидно, что эта сфера в контексте постнеклассических сдвигов во все усиливающейся степени отличается экспоненциальным по характеру и универсальным по степени распространения нарастанием нелинейной динамики, движением к нестационарной системе социальных связей, существенной де-иерархизацией власти в пользу сетевой матрицы, расширением гибридных форм организации управленческих институтов и т.д. Чертами политического мира становится размывание референтов и референций, феномен незавершенной переходности, составляющий трудноуловимую, "ускользающую натуру" текущего времени. В *онтологическом* плане постнеклассическая картина политического мира выражается в том, что "указатели поставлены на колеса и имеют дурную привычку исчезать из вида, прежде чем вы успеете прочитать то, что на них написано, осмыслить прочитанное и поступить соответственно" [Бауман 2004: 113-114]. Соответственно, важно понять, как должно меняться политическое знание в контексте изменения научной картины мира и общей методологии науки.

Очевидно, что речь не идет об однонаправленной связи причина–следствие, а о сложном взаимовлиянии. Современная постановка вопроса состоит в прояснении этой взаимосвязи и соответствующей реконцептуализации эпистемологии политического знания. Пока тектонические сдвиги, определяющие онтологический вызов, находят недостаточное отражение в *эпистемологическом* отношении – преобладающей методологией политической рефлексии остается по преимуществу механистическая гносеология: динамичные нелинейные процессы рассматриваются преимущественно в линейно-детерминистском ключе. Очевидно, гносеологическая некорректность коренится в ограниченности *методологии* компаративистики и политологии в целом, которая призвана обеспечивать релевантность эвристического здания дисциплины актуальным параметрам реальности. В чем истоки сложностей в обновлении методологии?

В 1980-х годах К. Ахен скептически оценивал аутентичность политической методологии, которая в значительной мере построена на заимствованиях достижений иных дисциплин: политические методологи приобретают свои продукты на условной распродаже товаров, предлагаемых методологами других дисциплин. А на распродаже произведенных политическими методологами продуктов можно найти только "подержанные, преобразованные инструменты, созданные в свое время представителями других дисциплин", поэтому представители других дисциплин не хотят покупать предлагаемые политическими методологами продукты даже в тех случаях, когда "в целях оперативной распродажи их цена сильно занижена и они не облагаются налогом" [Achen 1983]. Именно "отсутствием дисциплинарной аутентичности" Х.Р. Алкер-мл. объяснял *"комплекс неполноценности" политических методологов* [Алкер 1999: 766, 769]. Действительно, подготовка первого в России фундаментального издания по методологии политической науки [Современная политическая... 2019] показала, что большинство представленных в этом компендиуме парадигм в той или иной мере востребовано также смежными дисциплинами. Но уязвимость политической методологии видится не в этом.

Еще в середине 1990-х годов Х.Р. Алкер-мл. предлагал переосмыслить субстанциональные феноменологические и интерпретационные основы политической методологии [Алкер 1999: 773], рассматривая преодоление "антипатии к философским течениям в рамках социальных наук и к теоретическим спорам, начатым еще классиками политических исследований", в качестве средства преодоления отсутствия аутентичности политической методологии, "определение которой как политической статистики слишком узко" [там же: 776]. Эта позиция развивала изложенную еще Х. Буллом в его знаменитой и положившей начало Вторым великим дебатам в ТМО статье позицию относительно недопустимости редукционизма международной политики к ее позитивистской интерпретации: "Студент, для которого изучение международной политики сводится исключительно к введению в методики теории систем, теории игр, симуляции или контент-анализа, просто отрезан от предмета" [Bull 1969: 24-25]. Алкер и Булл были отнюдь не одиноки в подобных оценках, однако их призыв оставался без внятного ответа.

В начале нового века классик современной политической науки, соавтор эффективного числа партий Рейн Таагепера акцентировал необходимость значимого расширения методологии социальных наук. Обсуждая эпистемологический аппарат политологии, Таагепера, в частности, вел речь не просто об использовании математики и вычислений, а об "уместном их соединении с логикой и дру-

гими исследовательскими возможностями" [Taagepera 2008; 2015]. Тональность, в которой Р. Таагепера говорил об этой проблеме в лекции по случаю присуждения ему премии им. К. Дойча на XXIV Всемирном конгрессе политической науки в 2016 г., уже близка к алармистской: "политология, как и другие социальные науки, сегодня *менее* научна, чем полвека назад" [Taagepera 2018].

Это тем более удивительно, что предпосылки прорыва в зарубежной компаративистике налицо – впечатляющий эвристический потенциал, многочисленный корпус исследователей, плотность и качество профессиональной коммуникации, а формирующий повестку перечень системных вызовов уплотняется – достаточно упомянуть проблему искусственного интеллекта. Чем объяснить затяжную паузу?

О существе оценок можно спорить. На мой взгляд, скорее, речь идет об инерционной фазе развития научного знания – "нормальной науке" в терминологии Т. Куна, что, впрочем, не снимает вопроса об эвристической уязвимости политической компаративистики и политологии в целом. Очевидно, что ответ не может быть односложным – речь идет о многофакторном процессе, однако принципиально важен вопрос о качестве методологии, ибо именно она определяет эвристическую эффективность. Можно предположить три неисчерпывающих обстоятельства: 1) вытеснение методологического дискурса на периферию компаративистики и дисциплины в целом; 2) неравновесность в использовании различных категорий методов (гипертрофия в применении статистических методов как исключительных инструментов в ущерб всей палитре количественных инструментов); 3) в сфере собственно методологии – слабость сопряжения актуального и исторического опыта: американская сциентистская традиция разорвана с традициями английского историзма и интерпретативизма и шире – с традициями континентальной европейской философии; слабость методологического обоснования кросс-темпорального компаративного анализа, который порой выглядит как "уходящая натура".

Затрону две первых из названных проблем, отложив обсуждение методологических оснований сопряжения исторического и актуального контекстуализма как требующее отдельного обстоятельного разговора. Относительно первой проблемы обращает на себя внимание смещение фокуса профессиональных дискуссий с вопросов методологии в сферу методики – изучение профильной литературы, заявленной как методологическая, обнаруживает удивительную особенность: под рубрикой *методологии* обсуждаются вопросы *методики* – процедуры, техники и методы, и это совсем не безобидная подмена... Три четверти раздела "Методология политической науки" знакового издания "Политическая наука. Новые направления" посвящены обсуждению методических вопросов; изрядный объем оксфордского фундаментального труда по политической *методологии – The Oxford Handbook of Political Methodology* [The Oxford Handbook of Political Methodology 2008] – представляет собой обсуждение *методов*. Раздел по политической *методологии* в другом авторитетном издании *The Oxford Handbook of Political Science* [Brady et al. 2011], также в значительной мере посвящен рассмотрению *методов* политической науки и т.д., точнее, далее – везде...

Характерно, что подобный ракурс обсуждения сформировался не вчера, а сложился на протяжении предшествовавших десятилетий. Несомненно, выбор методов определяется методологической оптикой, однако это никак не заменяет обсуждения методологической повестки – "песок – плохая замена овсу"...

Налицо подмена даже не понятий – системных категорий, а значит, речь идет о субстантивном неблагополучии в организации профессионального дискурса.

Казалось бы, ключевые эвристические инструменты в профессиональной среде хорошо известны как минимум с аспирантских времен, однако путаница, обнаруживаемая порой даже в авторитетных академических изданиях (как в отечественных, так и зарубежных), побуждает вернуться к их уточнению. Позволю себе напомнить хрестоматийно известное: различение теории, методологии, методики и методов исследования, в том числе политического, – отнюдь не достояние прошлого. *Теории* – эвристический инструмент, представляющий собой совокупность логически увязанных между собой утверждений/суждений, логически выведенных из исходных предположений/допущений, и призванный дать объяснение/характеристику изучаемых явлений/процессов. Наиболее общие (генеральные, большие теории, *grand theories*) представляют собой метатеории, теории теорий – парадигмальные / межпарадигмальные конструкции, выступающие масштабными средствами интерпретации крупных областей/процессов и связующие онтологические, методологические и эпистемологические измерения. В данном контексте – несмотря на ставшую традицией критику подхода Т. Куна – существенное значение имеет понятие *парадигмы* в качестве модели постановки проблем и их решений. Предложенный Р. Мертоном термин *теории среднего уровня (middle range theory)* определяет конструкции, находящиеся в промежуточном пространстве между частными рабочими гипотезами и всеохватными систематическими попытками развить единую теорию, способную объяснить все наблюдаемые типы социальных изменений. Наконец, *частные теории* как рабочий инструмент характеризуют конкретные взаимосвязанные параметры объектов/процессов и операционализируют объяснительные возможности теорий среднего уровня. *Методология* никак не может быть сведена к методам – это интерпретативный контекст, определяющий систему координат, исходные установки, принципы и способ рассмотрения предмета. Разница между *теорией предмета* и *методологией его изучения* состоит в том, что теория объясняет структуру/действие явления/процесса, а методология задает модус/ракурс/способ его рассмотрения посредством помещения в контексте более общих парадигмальных конструкций, близких по статусу метатеориям. Применительно к сфере политики разница между *политической методологией* и *политической философией* определяется тем, что политическая методология задает принципы и способ рассмотрения *политического мира*, тогда как философия фокусируется на рассмотрении *отношений человека и политического мира*. *Методы* – совокупность разнообразных эвристических средств, стандартов, правил, инструментов, позволяющих выявлять причинно-следственные связи, закономерности и тенденции развития мира политики [Сравнительная политология 2015: 25]. *Методика* – совокупность приемов, техник, процедур применения методов.

Подчеркнем: разведение *политической методологии* и *политической философии* проведено в аналитических целях; в реальном познавательном процессе политическая философия выполняет методологическую функцию. Строго говоря, любая методология есть также определенное понимание политики, основанное на определенной философской традиции, которая может быть артикулирована прямо или неявно. Это означает фактическое единство методологии и онтологии, и за различными методологиями – будь то бихевиоризм, структурно-функциональный анализ или сетевой подход – стоят определенные трактовки политики.

Ввиду признанного лидерства американской компаративистики не только как старейшей, но также как наиболее профессионально развитой национальной школы, ее конфигурация обусловила понимание политической методологии в мировой науке. В свою очередь, в США характер дискурса о политической методологии во многом определен относительной молодостью этой субдисциплины, которая сформировалась только в середине 1970-х годов, когда был основан журнал "*Political Methodology*", позже сменивший название на "*Political Analysis*" [Beck 2000]. К. Ахен впоследствии вспоминал: когда политическая методология начиналась в середине 1970-х годов, она чаще была призванием, чем профессией. "Ни один политологический журнал не приветствовал методологические статьи, и многие журналы отклоняли их сразу же. Никаких форм организации политических методологов, которые бы агрегировали их потребности, не существовало" [Achen 1985]. В начале 1990-х годов, характеризуя эволюцию политической методологии, Г. Кинг привел целый ряд названий, которые определяли то, что "сейчас мы называем политической методологией" [King 1991: 1]: "политическая статистика" (1926 г.), "политическая арифметика" (1971 г.), "полиметрия" (1972 г.), "количественная политическая наука" (1973 г.), "политиметрия" (1975 г.), "политометрия" (1976 г.) и т.д. Кинг однозначно отождествляет политическую методологию с количественным анализом и выделяет пять этапов эволюции этого направления в период 1906-1988 гг. на основании возрастания масштабов и сложности используемых формальных методов, которые, как указывает Кинг, преимущественно заимствовались из других областей (причем, по его признанию, без должной модификации или адаптации), прежде всего эконометрии и психометрии. Характерно, что уже в 1980-1990-х годах это отождествление подвергалось критике; К. Ахен настоятельно обращал внимание на то, что импортированные статистические техники не должны доминировать в политической методологии, и призывал к развитию теории [Achen 1985: 9].

В начале нового века субдисциплина все еще трактовалась как "молодая" [Achen 2002: 423], но последовавший период был отмечен активным развитием политической методологии, и в настоящее время две секции по политической методологии принадлежат к крупнейшим в *APSA*. Причем как на этапе становления направления, так и сегодня характер данной субдисциплины трактуется однозначно – это знание о *методах*: "По определению политическая методология характеризует способы измерения и методы получения ответов на вопросы политической науки... это характеристика методов и способов подбора методов для решения вопросов политической науки" [Roberts 2018: 597].

В понимании политической методологии в США существенную роль сыграл генезис политической науки, эволюция которой дает основание выделить четыре мотива построения идентичности новой отрасли науки. Исторически в начале XX в. *APSA* возникла посредством выделения инициативной группы из Американской исторической ассоциации (*AHA*), и стремление обрести отдельную от истории идентичность определило то, как политологи определили свой предмет посредством дистанцирования от истории, что было сделано двумя путями. Во-первых, политологи оставили прошлое историкам и *сосредоточились на современности*; во-вторых, они ограничили фокус рассмотрения политики только *формально-юридическими измерениями*, предоставив изучение остальных социальных факторов историкам. Третьим мотивом стало стремление новой науки Нового Света к собственной идентичности, отдельной от европейской традиции социального знания, что обусловило *дистанцирование от традиций европейско-*

го теоретизирования в области философии, истории, социологии. Наконец, в отличие от американских социологов, развивавшихся в логике европейской теоретической традиции (что сыграло свою роль в мощном и результативном развитии социологии в США в XX в.), политологи США изначально стремились к специализации, что определило *эмпирический профиль* новой науки. Этот алгоритм имел серьезные последствия: дисциплина формировалась вне адекватного исторического, теоретико-методологического и философско-социологического контекста и была по существу лишена теории, будь то метатеория или теории среднего уровня (об истории отрасли см. [Munck, Snyder 2007]).

В дальнейшем развитие политической методологии в США испытало сильное влияние формализованного знания (особенно прикладной эконометрики), и ее арсенал складывался в том числе посредством инкорпорации подходов и методов других, преимущественно, формализованных дисциплин. В 1980-х годах департаменты политологии даже принимали в штат эконометристов и статистиков. Политическая методология и сегодня в немалой мере опирается на эконометрику и современную статистику, хотя различия между ними очевидны: статистика оперирует данными; методология основана на теории [Beck 2000].

Было бы несправедливо сводить все существующие трактовки политической методологии только к узкому определению. В упомянутом выше обзоре развития политической методологии [Brady et al. 2011] она трактуется несколько шире, но все равно с акцентом на методах.

На наш взгляд, произошедшее не только в рамках американской политической методологии, но и за ее пределами смешение, а порой и смещение, методологической оптики, предстает как неизбежное следствие отмеченного еще К. Ахеном в середине 1980-х годов отторжения субстантивной повестки, отчетливого неприятия философско-сущностных измерений политики и ее философско-методологической рефлексии как аксиологически избыточных, диссонирующих с преобладающим типом рациональности, который порой смещается в плоскость *de facto* позитивистской тональности. Содержательно-динамические, антропологические, ценностные и нормативные в целом компоненты политической методологии – несмотря на обширнейшую традицию обсуждения политико-культурных измерений политики на протяжении более полувека – как-то потерялись в методологическом дискурсе: оставшись элементами предметного поля, они лишены методологической роли. Посвященная критике позитивистской методологии в различных ее версиях, включая и весьма изысканные, литература последних десятилетий измеряется даже не килограммами, однако позитивистский методологизм, будучи в свое время изгнан с официальной кафедры, частично вернулся “через окно” – в образе новейших тенденций, которые при ближайшем рассмотрении оказываются хорошо знакомым отрицанием “метафизики”. Ответвлением новейшей версии неузнанного позитивизма в контексте тренда коммерционализации политического времени выглядит маркетизация дискурса. Экспансия эконометрии, к которой призывала целая когорта политологов, апеллируя к строгой научности этой парадигмы, и экономический империализм в целом имели множественные и разнообразные следствия, одним из которых стала инструментализация политической методологии. Одно из объяснений трансформации ее в методический дискурс может состоять в том, что политологи в условиях кризиса политической методологии как метатеории совершенствовали метод и его теорию.

Понимание методологии в отечественной политико-философской и науковедческой традиции принципиально иное: она трактуется в эпистемологически-динамическом ключе – как модус/угол зрения/способ рассмотрения объекта посредством помещения его в более широкий мета-контекст, задающий фокус изучения. Более того, сложившаяся в стране в 1960-1980-е годы школа философии, методологии, гносеологии науки и науковедения, представленная плеядой имен, принадлежала к числу наиболее развитых направлений отечественной философии и, несомненно, соответствовала мировому уровню. Состояние современного отечественного политико-методологического дискурса удручающе, что, по-видимому, стало результатом наложения двух факторов. Во-первых, становление отечественной политической науки после ее официального признания в конце 1980-х годов пришлось на период упадка социальной роли и авторитета фундаментальной науки в обществе и перекоса спроса практической политики преимущественно на прикладные отрасли, что, в свою очередь, повлекло за собой диспропорции в структуре политического знания в пользу инструментальных направлений. Во-вторых, в период становления отечественной политологии были восприняты не столько сильные стороны американской школы политической методологии (эффективный количественный анализ), сколько индифферентность к философско-методологической рефлексии. В соответствии с отечественной традицией приверженности крайностям этот тренд на отечественной почве обрел гипертрофированную форму, и интерес к вопросам методологии в России упал ниже того уровня, на котором он находится даже в американской политической науке, которая, как было отмечено, мало склонна к подлинно методологической рефлексии. В итоге *методология* изучения политики занимает маргинальное место в профессиональной дискуссии, публикации по теме малочисленны и фрагментарны, а предметное поле поддерживается усилиями немногочисленных энтузиастов. И если *философия политики* в России (хотя и заметно уступает прикладным направлениям) все же находит авторов, то *политическая методология* остается падчерицей политической науки. Не случайно первое систематическое издание по методологии политической науки появилось только в текущем году. Находим необходимым подчеркнуть: слабость методологических измерений состоит в том, что нет адекватной рефлексии того, какой должна быть трансформация компаративистики и ПН в целом, чтобы они были релевантны субстантивным и динамическим характеристикам постнеклассической политики. В частности, это находит проявление в разделенной оптике анализа статичных и динамических измерений нелинейной феноменологии. Методологический вызов состоит в необходимости соединения субстантивных и динамических измерений политики в адекватной постнеклассической политике оптике. Отрадно, что в последние годы методология политической науки как самостоятельное направление получает развитие благодаря деятельности Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН под руководством М. Ильина и изданию под эгидой Центра специализированного ежегодника "Метод", что дает надежду на возрождение политической методологии в профессиональном поле.

Именно в эрозии методологических оснований компаративистики видится ее (и политической науки в целом) существенная проблема. Удивительно, но сегодня оказались воспроизведены многие из тех уязвимостей, осознание которых в свое время обусловило критику и последовавшую в 1970-х годах трансформацию методологической конфигурации политической компаративи-

стики (и дисциплины в целом) в пользу отказа от методологии бихевиорализма и структурного функционализма. Как известно, критика в адрес этих двух парадигм была связана с тем, что компаративистика предстала как опирающаяся преимущественно на позитивисткую методологию и потому лишенная аксиологической составляющей, слабо чувствительная к неинституциональным измерениям политики; склонная к не всегда оправданной формализации. В результате данный тип методологии, будучи обременен отмеченными эвристическими уязвимостями, ограничивал возможности создания картины политического мира, обладающей адекватным реальности многообразием.

Обновление компаративистики было реализовано в 1970-1980-х годах в значительной мере с опорой на неоинституционализм, который, как известно, представляет собой не некое однородное течение, а включает существенное число разнообразных направлений, что порой дает основание для отрицания его в качестве единого направления. Но именно множественность течений неинституционализма стала одним из факторов плюралистичности также и компаративистики на протяжении почти двух последовавших десятилетий, хотя многосоставность неоинституционализма отнюдь не исчерпывала плюрализм источников методологического обновления отрасли. Л. Сморгунов обоснованно констатирует, что неоинституционализм как доминировавшая методологическая парадигма сравнительной политологии на рубеже веков определил многие особенности развития этой отрасли: она получила значительный импульс к усилению междисциплинарности исследований; возросли роль и значение концептуализации и моделирования в сравнительной политологии – равно, как и степень реализации объяснительной функции сравнительных исследований. Неоинституционализм расширил также политико-региональный спектр анализа на макроуровне, способствовал обращению к анализу процессов возникновения институтов в разных культурных контекстах и расширил возможности универсальных обобщений [Сморгунов 2014: 302-303].

Отметим и значительные усилия по преодолению издержек сциентизма в методологии компаративистики, прежде всего герменевтический, интерпретативной и конструктивистский подходы с констатацией особой роли последнего как попытки преодоления издержек теории рационального выбора и экономического экспансионизма в целом и реакции на новые реалии коммуникационной революции и повышения роли когнитивных аспектов политики. Конструктивизм воспринял идеи философии коммунитаризма и коммуникативизма, синтезировал достижения когнитивистики, интерпретативизма, постмодернизма и “мягких” течений неоинституционализма и сыграл наиболее значительную роль в изучении политических культур и изменений; субъективно-когнитивных аспектов политики; идентичности, этничности. В оценке роли конструктивизма как противовеса сциентизму рационального выбора, тем не менее, надо принять во внимание, что в отличие от ориентированного на нарратив и объяснение интерпретативизма, конструктивизм сохранил свойственную позитивизму склонность к каузальному акценту в изучении политики, в связи с чем в литературе он нередко рассматривается как располагающийся скорее внутри позитивизма.

Методологический плюрализм компаративистики начала XXI в. порой расценивается в литературе как признак теоретического кризиса отрасли, хотя это суждение не представляется бесспорным. Тем более, что к исходу 2010-х годах набрала силу тенденция синтеза противостоящих методологий и ослабления традиционных оппозиций политической методологии (анализа

и описания, объяснения и понимания, позитивизма и герменевтики) посредством обоснования новых методологических подходов, претендовавших на разрешение проблем противостояния разнонаправленных исследовательских ориентаций. Проблема состоит в том, что их синтез достигается преимущественно на пути аддитивного подхода, который понижает уровень обоснования их эвристической значимости. В литературе обоснованно отмечается, что поиск холистской основы может позволить разрешить проблемы методологического синтеза и усилить его роль в трансформации компаративистики, повысив ее эвристические возможности [там же: 302].

Актуальный методологический статус субдисциплины выражается концепцией мультипарадигмальности, однако вопрос о непротиворечивых основаниях синтеза методологий компаративистики остается открытым. В этом вопросе важно не просто избежать эклектики, но найти ключ к интерпретации таких измерений политического процесса, как неустойчивость, переходность, разнокачественность, что предполагает преодоление не только чрезмерно жестких эвристических схем, но и выход за дисциплинарные границы. Кажется, ответ лежит на поверхности, и этим ответом является междисциплинарность, однако вряд ли этот простой "рецепт" может быть адекватным ответом на сложный вызов. Междисциплинарные подходы востребованы тогда и там, где источники и факторы возникновения, причины и драйверы эволюции изучаемых явлений и процессов имеют разнокачественную природу, а динамика эволюции детерминирована множеством факторов различного генеза. Применительно к политической науке дополнительная актуальность междисциплинарных исследований обусловлена сложносоставностью предмета, которая обозначена знаменитой метафорой Г. Алмонда о "столиках в кафе", призванной отразить наличие множества "школ и сект" в политической науке [Almond 1990]. Существенная методологическая проблема состоит в формате сопряжения этих условных "столиков": станет ли внутренний дизайн этого многообразия Вавилонской башней или "цветущей сложностью", соответствующей многослойности своего объекта – бесконечно сложного мира относительных истин? [Торкунов 2018; Гаман-Голутвина 2016]. Сложность политологии в этом качестве состоит, в частности, в том, что она оперирует закономерностями вероятностного свойства, большинство из которых имеет относительно короткий период действия [Алмонд 1999].

Однако следует в полной мере признать, что далеко не всякое пересечение межпредметного знания может стать подлинно междисциплинарным исследованием – велика вероятность мультидисциплинарного шведского стола (Р. Таагепера). Более эффективным представляется иная модель интеграции. Традиционно междисциплинарность мыслится по предметному принципу, однако методологическая уязвимость этого подхода к интеграции состоит в том, что он имеет несистемный и неустойчивый – *ad hoc* – характер, ограничивающий его эвристические возможности. Это актуализирует предложенную Центром перспективных методологий ИНИОН РАН идею трансдисциплинарной стратегии, в рамках которой меняются связи и соотношения между предметом и методом. Трансдисциплинарное взаимодействие представляет собой трансферт знаний методологического типа, который не затрагивает теоретическое содержание дисциплин, не вносят изменений и не закрепляются в теории их предметной области. Данный подход состоит в интеграции через определенное отвлечение или дистанцирование от поля предметного дробления дисциплин и выход в более абстрактное "надпредметное" или "наддисципли-

нарное" пространство науки, что возможно в рамках рефлексивного подхода, получившего в исследованиях науки статус метатеоретического. Он образует слой знания, располагающегося как бы "поверх" поля наук, но тесно с ним связного посредством методологической рефлексии многообразных предметных знаний. С другой стороны, он восходит к всеобщим основам рефлексии как таковой, сближаясь с философией, но ориентируется на вычленение в ней особого типа научной рефлексии, связанной с общими условиями формирования и развития научных знаний. Предполагается, что именно в этом слое существуют те комплексы методологических и метатеоретических знаний, которые определяются как органоны-интеграторы, способствующие методологически корректной интеграции различных наук. Органоны-интеграторы могут существовать вне приложения к предметным областям конкретных дисциплин, но при этом способны действовать и в определенных дисциплинарных границах, насыщаясь необходимой предметностью [Ильин 2014: 6-11; Авдонин 2015: 266, 269; Ильин, Фомин 2017: 23]. В этом качестве обсуждаются эвристические возможности математики, семиотики и морфологии. Вскользь упоминаются возможности компаративистики в этом качестве, однако ее эвристический потенциал как инструмента трансдициплинарной интеграции субдисциплин политической науки и смежных направлений пока недооценен. Между тем именно политическая компаративистика может эффективно выполнять функции трансдициплинарной интеграции политического знания.

Отмеченная выше нерелевантность существующих эпистемологических парадигм, ориентированных на устойчивость, системность, упорядоченность, стимулирует также поиск адекватных новой реальности эпистемологических конфигураций, обладающих возможностями отражения таких свойств современной политики, как экстраординарность, случайность, неустойчивость. В последние годы появляются основанные на новой методологии работы, в которых предложен принципиально новый взгляд на онтологию (и, соответственно, эпистемологию) посредством объединения природы, техники и человека в единые ассамбляжи ("коллективы"); иначе ставятся вопросы причинности, субъектности, уникальности, случайности. Это, в частности, работы Дж. Беннет, К. Мейасу, Б. Латура [Bennett 2010; Meillassoux 2015; Latour 2018]. Востребованы теоретические конструкты, обладающие потенциалом многомерного и нелинейного отражения характерных для постнеклассики неустойчивых состояний политического мира как *сада расходящихся тропок*. Примером может служить интегративная концепция *лиминальности* (от лат. *limen* – порог), которая апеллирует к реляционности и процессуальности политической феноменологии. Обобщая относительно немногочисленные изыскания по теме, Л.В. Сморгунов фиксирует, что эта концепция открывает возможности описания таких состояний системы, когда она меняет свои структурные, идентификационные и функциональные свойства на другие, но при этом переход не является завершенным, что чревато неустойчивостью и высококонфликтностью; лиминальность может быть истолкована как переходное состояние между различными порядками социальности [Neumann 2012; Сморгунов 2012]. Эвристический потенциал данного подхода может быть востребован в политической сфере, в рамках которой неразличимы современное и традиционное, насилие и слабость, свобода и подчинение. Актуальность теме добавляет специфика субъектных измерений современной политики [Соловьев 2019; Gaman-Golutvina 2007, 2008, 2018].

Таким образом, рассмотрение методологического статуса компаративистики указывает на ее существенное запаздывание в интеграции постнеклассической картины мира, что в немалой степени связано с преимущественно сциентистским характером методологической рефлексии компаративистики и профессионального дискурса о ней. С одной стороны, это оправданно, так как ньютоновская картина мира остается верной локально, однако ориентация на нее как на гносеологический инвариант, очевидно, методологически уязвима. Это противоречие объективно: оно обусловлено вероятностной природой политического знания, побуждающей повысить его доказательность посредством апелляции к характеризующемуся более высокой внутренней валидностью естественнонаучному знанию. Однако ошибкой является обращение не к постнеклассическим теориям, а к теориям классической эпохи. Мы имеем дело с очевидным онтологическим редукционизмом, который вытекает из редукционизма эпистемологического – сведения методологии к методу, что побуждает рассмотреть методное измерение сравнительной политологии.

METHODENSTREIT

Оценка инструментального измерения современной компаративистики более позитивна, нежели ее методологии – в этом отношении импульс бихевиоральной революции 1950-1960-х годов был благотворным, и прошедшие десятилетия стали периодом интенсивного методного оснащения субдисциплины и политической науки в целом. Дискуссии о методах в СП хронологически и концептуально совпали со вторыми "Великими дебатами" в ТМО и, несомненно, принесли результаты – методический арсенал компаративистики в настоящее время обширен и разнообразен, хотя картину трудно назвать безоблачной. Дж. Герринг как-то заметил, что важнейшие размежевания в современном социальном знании проходят не по идеологическим, а по методическим границам, и это размежевание настолько глубоко, что определения, обозначающие различные методические направления и школы, иногда используются в полемике как бранные [Gerring 2012: XIX-XX], а порой кажется, что они воюют [King 1991: 3].

Методная экспансия бихевиорализма и близких ему направлений была настолько активной, что в 1994 г. французский исследователь М. Доган констатировал тенденцию "сверхквантификации" [Dogan 1994: 37]: достигнутый в методной технике прогресс не сопровождался должным продвижением в деле корректного сбора данных и преодолением разрыва между данными и методом. Он был не одинок – годом ранее Д. Кольер [Collier 1993; см. также Collier, Munck 2017] представил аргументы в пользу более сбалансированного использования различных методных техник, а в год, когда Доган вынес свой вердикт, была предпринята первая значимая попытка синтеза количественных и качественных методов [King et al. 1994; анализ дискуссии см. Сравнительная политология 2015: 81-86; Локшин 2014]. Предполагалось, что главным критерием и основной целью эффективного исследования является выявление причинно-следственных связей, поэтому проблема причинности выдвинулась на первый план. При этом трактовки причинности были основаны на сложившемся в естественных дисциплинах идеале научной строгости. Сложность состоит в том, что детерминизм в такой интерпретации трудно реализуем, поэтому его можно найти скорее в лабораторных условиях. И кроме того это не единственное понимание причинности. И.М. Локшин апеллирует к заслуживающим внимания альтернативам: в частности, к причинному механизму *(causal*

mechanisms u process-tracing), играющему заметную роль в качественных исследованиях и существенно отличающемуся от модели причинности, характерной для количественных проектов. В ряду соответствующих отличий – элементы информации, на которых строятся выводы в двух моделях: в количественном подходе это "наблюдение из базы данных" (*data-set observation*), а в качественном – "наблюдение о процессе причинности" (*causal-process observation*). Порой императивы формальной методной техники не позволяют в полной мере проследить причинный механизм и в полном объеме провести концептуализацию, изучить иные детерминистские модели и обеспечить качество измерения. Эта попытка синтеза двух методных техник не очень удалась, поскольку алгоритм рассмотрения был построен на абсолютизации логики квантификации.

Следующий шаг к балансировке двух техник обрел концептуальную форму спустя десятилетие [Rethinking Social Inquiry... 2010]. Дискуссии показали, что заимствованное из естествознания узкое понимание причинности не только достижимо преимущественно в искусственных условиях, но также уязвимо и в ином плане, поскольку оставляет вне сферы рассмотрения механизм причинности, и соответственно, ограничивает возможности концептуального понимания каузальности. В более широком плане сведение возможных фокусов исследования только к выявлению детерминистских связей может девальвировать эвристические эффекты иных гносеологических форм, включая фокусированные *case studies*, типологизации и классификации, которые, хотя традиционно уступают в эвристическом плане анализу каузальности, тем не менее, априорно не лишены познавательной ценности. К тому же квантификация не позволяет выявлять эффекты сочетанной каузальности, распознавание которых стало возможным благодаря разработке Ч. Рэгином качественного компаративного анализа (*QCA*) [Ragin 1987]. В компаративистике методология *QCA* (именно методология, а не только логическая техника) возникла не просто как результат качественно-количественных дебатов, а как стратегия расширения возможностей описания более полного многообразия. Кроме того, она решала ряд методических проблем сравнения, в том числе посредством преодоления издержек одной техники (ошибки измерения, неточности и искажения при отборе казусов, сложности получения адекватных характеристик сложных объектов, что чревато системным упрощением) и аккумуляции достоинств другой (в случае углубленного изучения фокусированных сравнений не актуален отбор казусов; более последовательная концептуализация снимает вопрос концептной натяжки).

Хотя в начале второго десятилетия XX в. казалось, что дебаты *Q/Q* в основном завершены [Brady et al. 2011: 1040], они продолжаются. В одном из последних по времени обзоров *Methodenstreit* Герринг констатирует, что качественный подход нередко рассматривается как противоречащий современным стандартам анализа и недостоверный, поскольку способен предоставлять несколько правдоподобных точек зрения на предмет, ни одна из которых не может быть окончательно доказана или опровергнута. Это, действительно, недостаток, если речь идет о проверке гипотез. Но это достоинство, если задача состоит в выдвижении новых гипотез. Ключевое достоинство качественных методов состоит именно в их способности генерировать концепции и новые рамки анализа [Gerring 2017].

В ходе дебатов сторонников двух групп методов сложилась третья позиция – комбинированное применение качественных и количественных методов в рамках единой стратегии. Для ее обозначения используются различные понятия: триангуляция, "сочетаемые", мультиметодные исследова-

ния, комбинированные, интегративные/объединенные, синтезированные методы; в качестве общепринятого закрепился термин смешанные методы (*mixed methods*). Интерес представляет *nested analysis* ("совмещенный", или "гнездовой", анализ) [Lieberman 2005]. Использование "аналитического нарратива" [Laitin 2002; Фидря 2019; Смирнов, Фидря 2016] и/или "трипартистских" методов включает статистику, формализацию, нарратив и пр.

Несмотря на немалые достоинства мультиметодных исследований, не стоит рассматривать эту модель как панацею, – ее применение весьма широко, но актуальными остаются вопросы эффективности [Gerring 2017], поскольку мультиметодные техники также не свободны от ограничений (слабая совместимость лежащего в основе различных методов теоретико-методологического базиса; сложность построения общего для количественных и качественных методов концептуального дизайна; отличающийся формат сбора и обработки данных).

По мере разработки смешанных методов проблема методической корректности компаративистики не исчезла, но обрела новое измерение в связи с возникшей в последние годы тенденцией искажения в применении количественных методов, о чем заявил на XXIV Всемирном конгрессе политической науки Р. Таагепера. Свой диагноз: "Политология от своей полной '*не*-научности' переходит все больше к '*псевдо*научности'", – Таагепера делает, в том числе на основе анализа методического инструментария дисциплины. "Это произошло, поскольку бессмысленная обработка статистических данных вытеснила логическое моделирование" [Taagepera 2018].

Тревога Таагеперы, физика по первому образованию, убежденного сторонника и разработчика количественных методов, связана не с проблемой *Q/Q* – сегодня очевидно, что они равно востребованы и взаимодополняемы – его озабоченность касается того пути, по которому происходит эволюция количественных подходов, а именно: палитра количественных методов часто сводится к статистике, чаще всего – к методам линейной регрессии. Драматизм, по мнению Таагеперы, состоит в том, что этот дискурс обрел характер обязательности, в том числе практикуемой профильными журналами: авторов, осуществляющих "логически обоснованное *количественное* исследование, порой принуждают к добавлению бессмысленных линейных моделей" [ibidem]. Таагепера сетует, что порой статистику превращают в подобие мантры: "Слишком много рецензентов научных журналов выступают ревностными служителями такой религии. Они навязывают исполнение ее ритуалов даже тем исследователям, которые далеки от нее... Статистические методы – это полезные инструменты. Они как долото. Но горе тому обществу, где каждый принуждается использовать долото и для выпиливания, и для копания, или где количественные исследования упрощаются лишь до статистики" [ibidem].

В своей оценке искажения инструментария квантификации Таагепера не одинок – целый ряд исследователей обращает внимание на издержки неверного применения и/или неверной интерпретации статистических методов (в частности [Gigerenzer 2004; Kittel 2006; Longford 2005; Schrodt 2014; Valentine et al. 2015 и др.]). Этот вопрос ранее ставился представителями возникшего в политическом сообществе США в начале нового века "движения перестройки". Хотя повестка движения была пестрой, ее ключевым элементом было оспаривание мейнстрима в том, что он слишком полагается на использование узкой категории количественных методов (моделирование на основе теории рационального выбора и теории игр) в ущерб их широкому спектру, что способно снизить

социальный эффект дисциплины [Monroe 2005; Making Political Science Matter 2006]. Сторонники движения предлагали расширение палитры методов, обладающих потенциалом критической рефлексии реальной политики и проводили аналогию между описанной в компаративистике ошибкой (искать ключи не там, где они потеряны, а там, где светлее): дисциплина порой склонна двигаться не в том направлении, которое наиболее актуально для общества, а в том, которое в наибольше степени обеспечено данными. Видные компаративисты Б.Г. Петерс, Г. Стокер и Дж. Пьер также ставят вопрос о том, насколько адекватна современной политической реальности практикуемая совокупность методов и подходов [The Relevance of Political Science 2015: 10]. Аналогична позиция В. Патцельта, который критикует – не количественные методы как таковые – *а сложившуюся практику* их применения [Патцельт 2018: 73-75].

Подчеркну: упомянутые специалисты ведут речь не об оппозиции количественным методам в компаративистике (они абсолютно необходимы, и этот факт не подвергается сомнению: дихотомия *Q/Q* вообще не актуальна сегодня:), а о *нецелесообразности сведения всей палитры количественных методов только к одной их категории* (линейной статистической регрессии), поскольку данный подход чреват сведением множественности социальных каузальных взаимосвязей к их упрощенным версиям. Откровенно скажу, что меня как автора и/или руководителя целого ряда крупных российских и международных проектов с использованием формальных методов крайне тревожит тенденция методного редукционизма, ибо она может стать основанием для неправомерного суждения о неэффективности количественных методов как таковых, вне которых в значительном числе случаев невозможно получение эвристически значимых результатов. Моя тревога тем более обоснована, что в отечественной компаративистике проблема избыточного использования количественных методов не актуальна – напротив, остро стоит проблема слабого владения сложными методами анализа. Ликвидация этой лакуны представляется насущной задачей, поэтому методный редукционизм может стать поводом для усиления предубеждения части исследователей по отношению к данной категории методов. Предполагаю, что суть проблемы состоит не в неэффективности формальных методов, а в *нерелевантности интерпретации их результатов*, что является более сложной задачей, нежели применение методной техники.

Критический взгляд специалистов на состояние методного инструментария компаративистики способствует определению сути и истоков проблемной ситуации. Они видятся отнюдь не в профессиональном несовершенстве, а обусловлены объективным противоречием. Вероятностная природа политического знания побуждает искать более надежные инструменты доказательности, заимствуемые из сферы формальных наук и сопровождаемые системной методной экспансией. Эта логика имеет резоны: аргументация в формальном знании обладает существенными преимуществами в плане большей точности, глубины и фундаментальности. Соответственно более совершенными и развитыми представляются также познавательные средства и методы, позволяющие достигать этих результатов. Однако эвристическая неэффективность сведения высших форм и более сложных явлений к их упрощенным версиям очевидна, и построение сложных аналитических схем на основании простого суммирования информации о более простых формах методологически несостоятельно ввиду более сложного характера социальных интеракций. А. Эйнштейн показал, что ни одну значимую проблему нельзя разрешить на том уровне, на котором она

возникла – требуется обращение к более высокому уровню. Неудачи попыток разрешения отмеченного противоречия в рамках собственно методической сферы возвращают нас к методологическим поискам – именно формулировка методологических оснований анализа, в большей мере релевантных объекту, способна дать ключ к разрешению данного противоречия, что означает серьезный вызов для политической науки и в целом, и политической компаративистики в частности. Предварительным условием выбора/разработки метода выступает концептуализация, осуществляемая в рамках методологического позиционирования стратегии – именно адекватная концептуализация может дать содержательные трактовки полученных различными путями выводов.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: КРИЗИС? КРИЗИС РАЗВИТИЯ?

Рассмотрение актуального методологического и методического статуса мировой и отечественной компаративистики показывает, что существующие проблемы во многом обусловлены упрощенным пониманием роли теории и методологии, что значительно обедняет и использование методных техник. Представляется, что мы имеем дело с системным редукционизмом. Понимание методологии сводится к ее пониманию как метода, а на следующем шаге разнообразная палитра методов порой сужается до одной категории внутри количественных методов. Этот двойной редукционизм определяет ограниченные возможности современной компаративистики и политологии в целом в адекватном отражении постнеклассической феноменологии. Еще один весьма серьезный теоретико-методологический вызов – необходимость преодоления разделенной оптики анализа статичных и динамических измерений нелинейных процессов и нахождения продуктивных оснований их синтеза в оптике, адекватной постнеклассической политике.

Однако автор не склонен расценивать сложившуюся ситуацию как кризисную, точнее, если это кризис, то скорее, – это *кризис развития*. Хотя более точной представляется оценка текущего этапа как “нормальной науки” в терминах Т. Куна – как эволюционной фазы аккумуляции, осмысления/переосмысления созданного ранее эвристического потенциала. Общепризнано представление о цикличности развития науки как включающей две взаимосменяющих и при этом несоразмерных по продолжительности фазы: длительные периоды накопления (осмысления, эмпирической проверки и т.п.) данных результируются в кардинальных прорывах, после которых требуется новый длительный период для освоения и развития полученных в результате прорыва результатов, тщательная работа в рамках которого исподволь готовит новую революцию (“Сова Минервы вылетает в полночь”, Г.-В.-Ф. Гегель). Очевидно, что немалая часть тридцатилетия, прошедшего после конституирования политической науки в России в конце 1980-х годов, стала в России естественной “парадигмой освоения” (А. Богатуров), позволившей форсированным темпом создать инфраструктуру (и субъекта) дисциплины. Нельзя не признать, что в целом этот этап был успешным, если учесть в каких исключительно сложных условиях (во многих отношениях) он проходил. В настоящее время ощущается исчерпанность инерционного движения, но выйти за ее пределы пока не удается. Данная фаза коррелирует с состоянием и мировой науки, которая находится в стадии переосмысления существующего потенциала и не предлагает больших идей и теорий, сопоставимых с масштабными парадигмами прошлого. Однако вектор ближайшего развития – скорее, позитивный, поскольку по многим

направлениям ведется кропотливая "лабораторная" работа – индуктивным и эмпирическим путем идет накопление и углубление политического знания, проверка и уточнение гипотез и теоретических конструкций. Это состояние можно выразить еще одной мыслью Гегеля: "Крот истории роет медленно, но роет хорошо", поэтому подлинно значимые события – "это не наши самые шумные, а наши самые тихие часы" (Ф. Ницше).

В пользу суждений о продуктивности "негромкой", но результативной лабораторной работы свидетельствуют как результаты многочисленных эмпирических проектов, так и данные о восходящей динамике научных исследований по политическим наукам, которая многократно превышает аналогичные показатели, например, по истории. Несомненно, количественные показатели мало что говорят о качестве изысканий, но их кумулятивный эффект непременно скажется в будущем. Констатация продуктивности текущей деятельности не отменяет необходимости поиска технологий перезагрузки, и актуальной перспективной задачей представляется необходимость "выйти из гетто" описательных исследований [Мельвиль 2020 *(в печати)*], что актуализирует обсуждение способов этого выхода. Компаративистике нужны свои "Великие дебаты" о теории, методологии и методах, которые позволят реструктурировать ее поле, его теоретико-методологические и методные измерения.

Достойный ответ на эти эндогенные вызовы может помочь найти ключ к решению и экзогенных проблем, к категории которых можно отнести те, что порождены меняющими характер социальности технологическими сдвигами (искусственный интеллект, цифровизация политики, *big data* и т.п.). Все вместе взятое может означать решение еще одной системной проблемы – оптимизации интерфейса "академическая наука / практическая политика", отношения компаративистики с которой пока колеблются в диапазоне равно непродуктивных конформизма/конфликта.

DOI: 10.17976/jpps/2019.05.03

OVERCOMING METHODOLOGICAL DIFFERENCES: THE DEBATE ABOUT KNOWLEDGE POLITICS IN AN AGE OF UNCERTAINTY

O.V. Gaman-Golutvina[1]

[1]*Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia*

GAMAN-GOLUTVINA, Oksana Viktorovna, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, Head of the Comparative Political Science Department, MGIMO University; President, Russian Political Science Association; Chairman of the Federal Educational and Methodical Association "Political and Regional Studies"; Chairman of the Expert Council, Russian Foundation for Basic Research; Member of RF Civic Chamber, Moscow, email: ogaman@mgimo.ru

Gaman-Golutvina O.V. Overcoming Methodological Differences: the Debate about Knowledge Politics in an Age of Uncertainty. – Polis. Political Studies. 2019. No. 5. P. 19-42. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.03

Acknowledgements. The article was prepared in the framework of RFBR project № 17-03-00746a.

Received: 01.08.2019. Accepted: 19.08.2019

Abstract. In connection with some assessments about the state of crisis in which modern political science finds itself, the author considers the development of one key area of the discipline – political comparative studies, including its methodological dimensions and methodological tools. In order to make a reasonable assessment of the state of this subdiscipline, the author reconsiders its methodological measurements and its methodological tools. This analysis, as undertaken in the article, of the evolution

of these comparative studies shows that the current stage is characterized as 'multiparadigm pluralism', but unlike the period of the beginning of the 21st century (which was regarded as a sign of crisis for this subdiscipline), this pluralism is productive. The author does not consider the current state of comparative studies to be a state of crisis, but characterizes it as requiring substantial updating; further, they suggest considering it, rather, as a phase of 'normal science' (according to Kuhn's terms thereof). The key problem seems to be finding a methodological algorithm of comparative studies that is adequate to the post-non-classical dynamics of politics. An examination of the currently-used comparative methods shows that the key task in this area is to refine the effective algorithm for using quantitative methods, in connection with the simplified procedures for their application that have become widespread. This determines the relevance of the 'comparative' version of the Great Debates for structuring the subject field, as well as updating the methodology and methods of this subdiscipline.

Keywords: political science, political comparative studies, methodology, method, quantitative and qualitative research.

References

Achen Ch. 1983. Towards Theories of Data: The State of Political Methodology. – *Political Science: The State of the Discipline*. Ed. by A. Finifter. Washington D.C.: American Political Science Association. P. 69-94.

Achen Ch. 1985. Editorial. – *Political Methodology*. Vol. 11. P. 3-4.

Achen Ch. 2002. Toward a New Political Methodology: Microfoundations and ART. – *Annual Review of Political Science*. Vol. 5. P. 423-450. https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.5.112801.080943

Almond G. 1990. *A Discipline Divided: Schools and Sects in Political Science*. Newbury Park, London: New Dehli.

Beck N. 2000. Political Methodology: A Welcoming Discipline. – *Journal of the American Statistical Association*. Vol. 95. No. 450. P. 651-654. https://doi.org/10.1080/01621459.2000.10474244

Bennett J. 2010. *Vibrant Matter. A Political Ecology of Things*. Durham: Duke University Press.

Brady H.E., Collier D., Box-Steffensmeier J.M. 2011. Overview of Political Methodology: Post-Behavioral Movements and Trends. – *The Oxford Handbook of Political Science*. Ed. by R.E. Goodin. Oxford: Oxford University Press. P. 1005-1063.

Bull H. 1969. International Theory: The Case of a Classical Approach. – *Contending Approaches to International Politics*. Ed. by K.E. Knorr, J.N. Rosenau. Princeton: Princeton University Press. P. 20-37.

Collier D. 1993. The Comparative Method. – *Political Science: The State of the Discipline*. Ed. by A.W. Finifter. P. 105-119. Washington, D.C.: American Political Science Association.

Collier D., Munck G. 2017. Building Blocks and Methodological Challenges: A Framework for Studying Critical Junctures. – *Qualitative & Multi-Method Research*. Vol. 15. No. 1. P. 2-9.

Dogan M. 1994. Use and Misuse of Statistics in Comparative Research. – *Comparing Nations: Concepts, Strategies, Substance*. Ed. by M. Dogan, A. Kazansigil. P. 35-71. Oxford/Cambridge, MA: Blackwell.

Gaman-Golutvina O.V. 2007. Political Elites in the Commonwealth of Independent States: Recruitment and Rotation Tendencies. – *Comparative Sociology*. Vol. 6. No. 1-2. P. 136-157. www.doi.org/10.1163/156913307X208140

Gaman-Golutvina O.V. 2008. The Changing Role of the State and State Bureaucracy in the Context of Public Administration Reforms: Russian and Foreign Experience. – *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. Vol. 24. No. 1. P. 37-53. https://doi.org/10.1080/13523270701840449

Gaman-Golutvina O. 2018. Political Elites in the USA under George W. Bush and Barack Obama: Structure and International Politics. – *Historical Social Research*. Vol. 43. No. 4. P. 141-163. https://doi.org/10.12759/hsr.43.2018.4.141-163

Gerring J. 2012. *Social Science Methodology: A Unified Framework*. Cambridge: Cambridge University Press.

Gerring J. 2017. Qualitative Methods. – *Annual Review of Political Science*. Vol. 20. P. 15-36. https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-092415-024158

Gigerenzer G. 2004. Mindless Statistics. – *Journal of Socio-Economics. Greenwich, Connecticut*. Vol. 33. P. 587-606. https://doi.org/10.1016/j.socec.2004.09.033

Hargens L., Kelly-Wilson L. 1994. Determinants of disciplinary discontent. – *Social Forces*. Chapel Hill. Vol. 72. No. 4. P. 1177-1195. https://doi.org/10.1093/sf/72.4.1177

King G. 1991. On Political Methodology. – *Political Analysis*. Vol. 2. P. 1-30. https://doi.org/10.1093/pan/2.1.1

King G., Keohane R., Verba S. 1994. *Designing Social Inquiry: Scientific Inference in Qualitative Research*. Princeton: Princeton University Press. 300 p.

Kittel B. 2006. A Crazy Methodology? On the Limits of Macro-Quantitative Social Science Research. – *International Sociology*. Vol. 21. P. 647-677. https://doi.org/10.1177/0268580906067835

Laitin D. 2002. Comparative Politics: The State of the Subdiscipline. – *Political Science: The State of the Discipline*. Ed. by I. Katznelson, H. Milner. Washington D.C.: American Political Science Association.

Latour B. 2018. *Down to Earth: Politics in the New Climatic Regime*. Polity Press.

Lieberman E. 2005. Nested Analysis as a Mixed-Method Strategy for Comparative Research. – *American Political Science Review*. Vol. 99. No. 3. P. 435-452. https://doi.org/10.1017/S0003055405051762

Longford N.T. 2005. Editorial: Model Selection and Efficiency – Is 'Which model...?' The Right Question? – *Journal of the Royal Statistical Society. Series A*. Vol. 168. P. 469-472. https://doi.org/10.1111/j.1467-985X.2005.00366.x

Making Political Science Matter. 2006. Ed. by S. Schram, D. Caterino. New York: New York University Press.

Meillassoux Q. 2015. *Science Fiction and Extro-science Fiction*. University of Minnesota Press; Univocal Publishing.

Monroe K.R. (ed.) 2005. *Perestroika! The Raucous Rebellion in Political Science*. New Haven: Yale University Press.

Munck G., Snyder R. 2007. *Passion, Craft, and Method in Comparative Politics.* Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Neumann I. 2012. Introduction to the Forum on Liminality. – *Review of International Studies*. Vol. 38. No. 2. https://doi.org/10.1017/S0260210511000817

Ragin Ch. 1987. *The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies*. Berkeley: University of California Press.

Rethinking Social Inquiry: Diverse Tools, Shared Standards. 2010. Ed. by Brady H., Collier D. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers.

Roberts M.E. 2018. What is Political Methodology? – *PS: Political Science and Politics*. Vol. 51. No. 3 P. 597-601. https://doi.org/10.1017/S1049096518000537

Schmitter Ph. 2009. The Nature and Future of Comparative Politics. – *European Political Science Review*. Vol. 1. No. 1. https://doi.org/10.1017/S1755773909000010

Schrodt P.A. 2014. Seven Deadly Sins of Contemporary Quantitative Political Analysis. – *Journal of Peace Research*. Vol. 51. No. 2. P. 287-300. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1661045

Taagepera R. 2008. *Making Social Sciences More Scientific: The Need for Predictive Models*. Oxford: Oxford University Press.

Taagepera R. 2015. *Logical Models and Basic Numeracy in Social Sciences*. Tartu.

Taagepera R. 2018. Science Walks on Two Legs, but Social Sciences Try to Hop on One. – *International Political Science Review*. Vol. 39. No. 1. P. 145-159. https://doi.org/10.1177/0192512116682185

The Oxford Handbook of Political Methodology. 2008. Ed. by J. Box-Steffensmeier, H. Brady, D. Collier Oxford: Oxford University Press.

The Relevance of Political Science. 2015. Ed. by G. Stoker, B.G. Peters, J. Pierre. New York: Palgrave and Macmillan.

Valentine J.C., Aloe A.M., Lau T.S. 2015. Life after NHST: How to Describe Your Data without 'p-ing' Everywhere. – *Basic and Applied Social Psychology*. Vol. 37. No. 5. P. 260-273. https://doi.org/10.1080/01973533.2015.1060240

Wahlke J.C. 1991. Liberal Learning and Political Science Major: A Report to the Profession. – *Political Science and Politics*. Vol. 24. No. 1. P. 48-60. https://doi.org/10.2307/419376

Wendt A. 2015. *Quantum Mind and Social Science*. Cambridge: Cambridge University Press.

Alekseeva T.A. 2017. Theory of International Relations in the Mirrors of "Scientific World Pictures": What's Next? – *Comparative Politics Russia*. Vol. 8. No. 4. P. 30-41. (In Russ.) http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-4-30-41

Alekseeva T.A., Mineev A.P., Loshkarev I.D., Anan'ev B.I. 2018. *"Kvantovyi podkhod" k mezhdunarodnym otnosheniyam* ["Quantum Approach" to International Relations]. Ed. by T.A. Alekseeva. Moscow: ANO "Redaktsiya zhurnala 'Znanie-sila'". (In Russ.)

Alieva N.Z. 2008. *Postneklassicheskoe estestvennonauchnoe obrazovanie: kontseptual'nye i filosofskie osnovaniya* [Post-non-Classical Natural Science Education: Conceptual and Philosophical Foundations]. Moscow: Izdatel'skii dom Akademii Estestvoznaniya. (In Russ.)

Alker H.R. 1999. Political Methodology, Old and New. (Russ. ed.: Alker H.R. Politicheskaya metodologiya: Vchera i segodnya. – *Politicheskaya nauka: Novye napravleniya*. Pod red. R. Gudina i Kh.-D. Klingemanna. Moscow: Veche. P. 332-346).

Almond G.A. 1999. Political Science: The History of the Discipline (Russ. ed.: Almond G.A. Politicheskaya nauka: istoriya distsipliny. – *Politicheskaya nauka: Novye napravleniya*. Pod red. R. Gudina i Kh.-D. Klingemanna. Moscow: Veche. P. 69-112).

Avdonin V.S. 2015. "Vertical" Dimension of Methods: Meta-Theory and Meta-Languages (Organons). – *Metod*. Moscow: INION RAN. Vol. 5. P. 265-278. (In Russ.)

Bauman Z. 2004. Globalization: The Human Consequences. (Russ. ed.: Bauman Z. *Globalizatsiya. Posledstviya dlya obshchestva i cheloveka*. Moscow: Ves' Mir Publ.).

Bor N. 1971. Selected Works (Russ. ed.: Bor N. *Izbrannye nauchnye trudy. Stat'i 1925-1961 gg.* Vol. 2. Moscow: Nauka).

Fidrya E.S. 2019. Factors and Justification of Reconstructing Meaning of Political Texts under Conditions of Cognitive and Interpretative Uncertainty. – *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 40-56. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.04

Gaman-Golutvina O.V. 2016. Political Science as a Metadisciplinary Matrix. – *International Trends*. Vol. 14. No. 1 (44). P. 86-94. (In Russ.) https://www.doi.org/10.17994/IT.2016.14.1.44.7

Heidegger M. 1986. Die Zeit des Weltbildes (Russ. ed.: Heidegger M. Vremya kartiny mira. – *Novaya tekhnokraticheskaya volna na Zapade*. Moscow: Progress. P. 93-118).

Heisenberg W. 1989. Pysik und Philosophie; Der Teil und das Ganze. Gespräche im Umkreis der Atomphysik (Russ. ed.: Heisenberg W. *Fizika i filosofiya: Chast' i tseloe*. Moscow: Nauka).

Ilyin M.V. 2014. Methodological Challenge. What Makes Science One? How to Connect the Disconnected Spheres of Knowledge? – *Metod*. Moscow: INION RAN. No. 4. P. 6-11. (In Russ.)

Ilyin M.V. 2018. Modern Political Science: Crisis or Development? – *Political Science (RU)*. No. 1. P. 40-67. (In Russ.)

Ilyin M.V. 2019. Sravnitel'nyi podkhod v istorii politicheskoi mysli [Comparative Approach in the History of Political Thought]. – *Sovremennaya sravnitel'naya politologiya* [Modern Comparative Political Science]. Ed. by O.V. Gaman-Golutvina. Moscow: Aspect Press. (In print) (In Russ.)

Ilyin M.V., Fomin I.V. 2017. Chem i kak mogut nasytit' politicheskie issledovaniya matematika, semiotika i morfologiya? [How Can Mathematics, Semiotics and Morphology Satiate Political Studies?] – *Ezhegodnik RAPN* [Yearbook of the RPSA]. Ed. by A.I. Solovyov. Moscow: ROSSPEN. P. 22-47. (In Russ.)

Lokshin I.M. 2014. 20 Years of Discussion on Updating the Methodology of Social Sciences. – *Metod*. Issue 4. Ed. by M.V. Il'in. Moscow: INION RAN. P. 390-412. (In Russ.)

Melville A.Yu. 2020. Get out of 'Ghetto': the Contribution of Post-Soviet Studies to Modern Political Science. – *Polis. Political Studies*. No. 1. (In print). (In Russ.)

Pattsel't V. 2018. Is Political Science in Crisis? – *Political Science (RU)*. No. 1. P. 68-92. (In Russ.)

Prigogine I., Stengers I. 1986. Order out Of Chaos: Man's New Dialogue with Nature. (Russ. ed.: Prigogine I., Stengers I. *Poryadok iz khaosa: Novyi dialog cheloveka s prirodoi*. Moscow: Progress).

Smirnov V.A., Fidrya E.S. 2016. Comparative Analysis of Permeability of Political Elite Recruitment Channels in the Baltic States. – *Vlast'*. No. 9. P. 98-104. (In Russ.)

Smorgunov L.V. 2012. Political Between: The Phenomenon of Liminality in Contemporary Politics. – *Polis. Political Studies*. No. 5. P. 159-169. (In Russ.)

Smorgunov L.V. 2014. Methodological Synthesis in Modern Comparative Political Science. – *Metod*. Moscow: INION RAN. Issue 4. P. 300-310. (In Russ.)

Solovyov A.I. 2019. Political Agenda of the Government, or Why the State Needs the Society. – *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 8-25. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.02

Sovremennaya politicheskaya nauka. Metodologiya [Modern Political Science. Methodology]. 2019. Ed. by O.V. Gaman-Golutvina, A.I. Nikitin. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)

Sravnitel'naya politologiya [Comparative Politics]. 2015. By Gaman-Golutvina O.V. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)

Stepin V.S. 2011. *Istoriya i filosofiya nauki* [History and Philosophy of Science]. Moscow: Akademicheskii Proekt; Triksta. (In Russ.)

Torkunov A.V. 2018. Challenges to Social and Human Sciences in Russia. – *Polis. Political Studies*. No. 5. P. 8-16. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.02

Литература на русском языке

Авдонин В.С. 2015. Методы науки в вертикальном измерении (метатеория и метаязыки-органоны). – *Метод*. Вып. 5. М.: ИНИОН РАН. С. 265-278.

Алексеева Т.А. 2017. Теория международных отношений в зеркалах "научных картин мира": что дальше? – *Сравнительная политика*. Т. 8. № 4. С. 30-41. http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-4-30-41

Алексеева Т.А., Минеев А.П., Лошкарев И.Д., Ананьев Б.И. 2018. *"Квантовый подход" к международным отношениям*. Отв. ред. Т.А. Алексеева. М.: АНО "Редакция журнала "Знание-сила".

Алиева Н.З. 2008. *Постнеклассическое естественнонаучное образование: концептуальные и философские основания*. М.: Издательский дом Академии Естествознания.

Алкер Х.Р. 1999. Политическая методология: Вчера и сегодня. – *Политическая наука: Новые направления*. Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М.: Вече. С. 332-346.

Алмонд Г.А. 1999. Политическая наука: история дисциплины. – *Политическая наука. Новые направления*. Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М.: Вече. С. 69-112.

Бауман З. 2004. *Глобализация. Последствия для общества и человека*. М.: Весь Мир.

Бор Н. 1971. *Избранные научные труды*. Статьи 1925-1961 гг. Т. 2. М.: Наука.

Гаман-Голутвина О.В. 2016. Политология как метадисциплинарная матрица. – *Международные процессы*. Т. 14. № 1 (44). С. 86-94. https://www.doi.org/10.17994/IT.2016.14.1.44.7

Гейзенберг В. 1989. *Физика и философия: Часть и целое*. М.: Наука.

Ильин М.В. 2014. Методологический вызов. Что делает науку единой? Как соединить разъединенные сферы познания? – *Метод*. Вып. 4. М.: ИНИОН РАН. С. 6-11.

Ильин М.В. 2018. Современная политическая наука: кризис или развитие? – *Политическая наука*. № 1. С. 40-67.

Ильин М.В. 2019. Сравнительный подход в истории политической мысли. – *Современная сравнительная политология*. Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс. (В печати).

Ильин М.В., Фомин И.В. 2017. Чем и как могут насытить политические исследования математика, семиотика и морфология? – *Ежегодник РАПН*. Под ред. А.И. Соловьева. М.: РОССПЭН. С. 22-47.

Локшин И.М. 2014. 20 лет дискуссии об обновлении методологии социальных наук. – *Метод*. Вып. 4. М.: ИНИОН РАН. С. 390-412.

Мельвиль А.Ю. 2020. Выйти из гетто: о вкладе постсоветских исследований в современную политическую науку. – *Полис. Политические исследования*. № 1. (В печати).

Патцельт В. 2018. Переживает ли политическая наука кризис? – *Политическая наука*. № 1. С. 68-92.

Пригожин И., Стенгерс И. 1986. *Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой*. М.: Прогресс. 432 с.

Смирнов В.А., Фидря Е.С. 2016. Сравнительный анализ проницаемости каналов рекрутирования властных групп в странах Прибалтики. – *Власть*. № 9. С. 98-104.

Сморгунов Л.В. 2012. Политическое "между": феномен лиминальности в современной политике. – *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 159-169.

Сморгунов Л.В. 2014. Методологический синтез в современной сравнительной политологии. – *Метод*. Вып. 4. М.: ИНИОН РАН. С. 300-310.

Современная политическая наука. Методология. 2019. Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной и А.И. Никитина. М.: Аспект Пресс.

Соловьев А.И. 2019. Политическая повестка правительства, или зачем государству общество. – *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 8-25. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.02

Сравнительная политология. 2015. Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс.

Степин В.С. 2011. *История и философия науки*. М.: Академический Проект; Трикста.

Торкунов А.В. 2018. Вызовы социогуманитарной науке в России. – *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 8-16. https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.02

Фидря Е.С. 2019. Факторы и логики реконструирования смысла политического текста в условиях когнитивной и интерпретативной неопределенности. – *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 40-56. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.04

Хайдеггер М. 1986. Время картины мира. – *Новая технократическая волна на Западе*. М.: Прогресс. С. 93-118.